

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 2-го Февраля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11873.

ПИРЪ ОДИНОЧЕСТВА.

Я всегда любилъ одиночество.
Въ толпѣ,—такъ кажется,—мнѣ подмѣняютъ душу, подсовываютъ другую.

Она криклива, поддержана и потерта, какъ старая монета.

Чувствуешь себя самого чужимъ. Являются совершенно неожиданныя слова; собственный голосъ, жесты, движенія—незнакомы.

Говоришь себѣ тайкомъ:
— Какой ты плуты! Тебя подмѣнили всѣ эти господа.

Но придешь домой,—и даже отъ стѣнъ комнаты исходить на тебя серьезное, строгое настроение.

Говоришь себѣ дѣловито:
— Я тамъ не былъ. Это какой то са-
мозванецъ толкался тамъ, въ толпѣ.
Трепаль мое платье и мою фамилію. Это
дѣлаетъ толпа:

— подмѣняетъ.
А въ одиночествѣ,—свой, хороший, на-
стоящий.

Заратустра у Ницше говорить:
„Nacht ist es: nun reden lauter alle
springenden Brunnen. Und auch meine See-
le ist ein springender Brunnen“.

„Настала ночь,—слышите стали рѣчи
ручьевъ. Душа моя,—она тоже живой
ручей“.

Только въ одиночествѣ или ночью
узнаешь свои вѣрныя слова, постигаетъ
собственную душу.

Ахъ, меня давно манила эта тихая воз-
любленная!

Въ дѣствѣ я мечталъ;
Пстрою себѣ

замокъ съ глубо-
кимъ рвомъ и тя-
желыми подъе-
ными мостами. У
меня будетъ цѣлая
башня, гроад-
ная шестиуголь-
ная комната, а въ
серединѣ желѣз-
ный фаръ, кото-
рый медленно рас-
качивается въ
бурную погоду,
точновисѣльникъ.

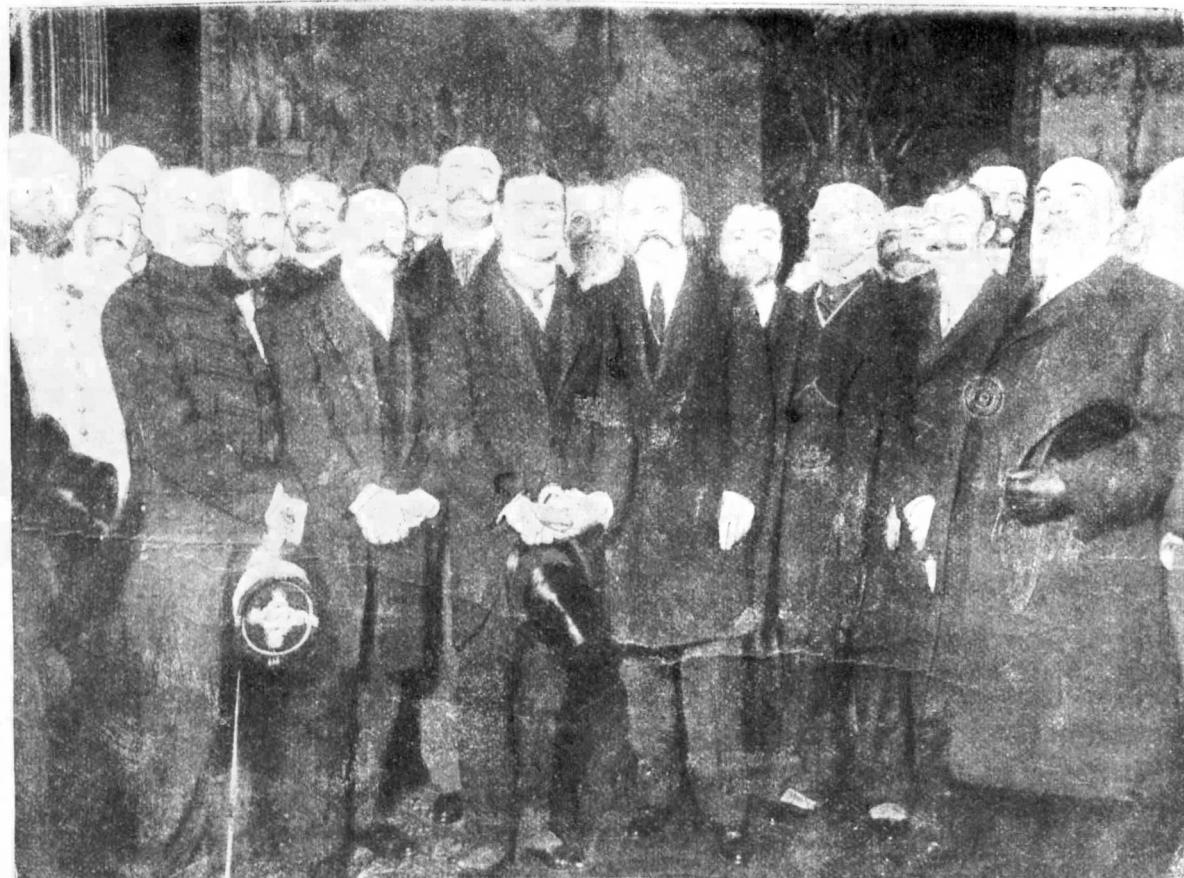
Черный столъ,
какъ у инквизи-
ционныхъ судей. Сга-
рыя книги. Читаю
ихъ, думаю. По-
томъ подхожу къ
узкому окну Вы-
соко. Не видо-
да людѣй, только
поля, рощи, рѣки.

Таковъ быль
мой замокъ. Тогда
я не думалъ, что
у меня нехватитъ
камней, и съ
неудовольствіемъ
садился за книгу.
— прѣстий, буд-
ничный учебникъ
математики, когда
приходила моя
учительница.

Сербский престолонаследникъ
принцъ Александръ.

(Къ пребыванію въ Петербургѣ).

Прибытие въ Парижъ капитана Эванса, спутника и помощника погибшаго у южного полюса капитана Скотта. Эванъ самъ едва избѣжалъ смерти и полузамерзшимъ былъ доставленъ на судно.—Капитанъ Эванъ (x) среди муниципальныхъ советниковъ Парижа.

(Отъ нашего парижскаго корреспондента).

Потомъ я забылъ о своихъ мечтахъ и
вспомнилъ много позднѣе.

Былъ я какъ то въ маленькомъ, про-
винциальнъ гор. дкѣ.

Очень обыкновенный и потому недо-
стойный описанія.

Но нашли мелочи, которыя забавля-
ли меня. Читалъ вывѣски, радовался
страннымъ фамиліямъ или критиковалъ
какую-нибудь булочную, прачечную, кол-
басную.

Эти вывѣски великолѣпны!

Вотъ необычайный въ лосатый госпо-
динъ съ тупыми глазами,—это у парик-
махера.

Надъ булочной ржавый скрипучій
кредѣль, а квасная будка украшена
уморительной бутылкой, изъ которой
бѣгъ квасъ. Эта „пѣча“ похожа и на
клубы дыма, и на „писій хвостъ“.

Людей мало, а которыхъ встрѣчаешь—
здоровые, мордастые.

Забавляешься такою тихой, неназой-
ливой улицей и чувствуешь, что одинъ,
что никто тебя не беспокоитъ.

Вечеромъ прибрѣль я въ садѣ надъ
рѣкою.

Клумба цвѣтовъ. Розовый высокій
кустъ, и одна бѣлая роза показывается,
словно разговариваетъ шепотомъ и ки-
ваетъ головой.

Минутъ десять мы стояли такъ другъ
около друга.

Роза говорила: „нѣтъ“, „нѣтъ“.
А я скептически улыбался и утвер-
ждалъ, что ея „нѣтъ“ перельется въ
да“.

— Моя бѣлая принцесса, вы жестоки!
Вечеръ такой теплый; тишина, одиноче-
ство, небо шелковое, а вы прекрасны и ароматны.
Немного любви, принцесса, иначе
вы ос орбите эту
ночь и шелковое небо.

Такъ, молча, мы
бесѣдовали,

О, это большое
счастье, большая
роскошь занимать-
ся тѣкими пустя-
ками, когда кру-
гомъ весь городъ
измучился отъ ра-
боты, сопитъ, ру-
гается, нервни-
чаетъ и думаетъ о
грошахъ!

Меня тоже за-
ставляли зани-
маться этими
серьезными дѣла-
ми, но я чѣумѣлъ
даже тогда, когда
въ моихъ карма-
нахъ ничего не
было, кроме ста-
реихъ пуговицъ и
зубочистокъ.

Отошелъ отъ
розы.

Маечкій каба-
чекъ съ керосино-
калильной лампой.

Вице-адм. Макаровъ,
команд. тихоокеан. эск. Пог. на
«Петропавловскъ».

Г.-м. Кондратенко,
нач. сухопут. обороны Портъ-
Артура.
Погибъ отъ взрыва шиномы.

Адм. ф.-Вирень,
съ 1 авг. ком. эскадры.

Свты Его Величества
контръ-адм. Рождественский.
Команд. 2-ю эскадрою флота
Тихаго океана.

Ген.-л. Стессель,
нач. Квантунск. укрѣп. района.

Ген. П. И. Мищенко.

Ген.-лейт. Н. П. Линевичъ.

Контръ-адм. Виттефѣтъ,
ком. тихоокеан. эск. Пог. на
«Цесаревичъ».

Контръ-адм. Моласъ,
погибъ на «Петропавловскъ».

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ (Десятилѣтко-японской войны).

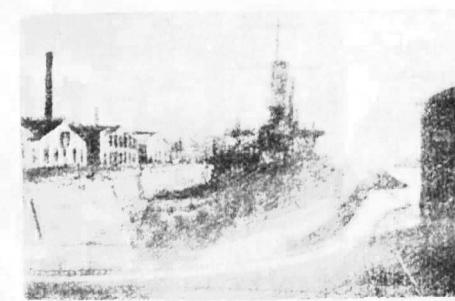
Адм. Е. И. Алексеевъ,
намѣстникъ Дальн. Востока.

А. Н. Куropаткинъ,
военный министръ.

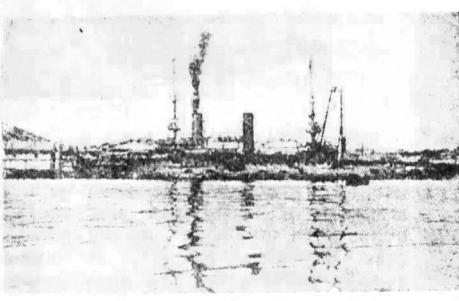
Адм. А. М. Абаза,
членъ совѣта Дальн. Востока.

«Паллада»,
подорванная японами въ ночь на 27 января.

«Цесаревичъ»,
подорванный японцами въ ночь на 27 января.

«Ретвизанъ»,
подорванный японцами въ ночь на 27 января.

Портъ-Артуръ.—Старый городъ, внутрь полуострова Тигровый

Г.-м. Бѣлыи,
нач. крѣпост. артиллеріи.

Контръ-адм. Лошинский,
нач. морск. и мин. обороны
Портъ-Артура.

Контръ-адм. кн. Ухтомский
коман. экс. послѣ смерти
Виттефѣта.

Кап. Ир. Рейценштейнъ,
командиръ «Варяга».

Кап. Ир. ф.-Эссенъ,
ком. «Севастополя».

Г.-м. Надѣйнъ,
ком. 2 бриг. 4 В. С. стр.
дивизій.

Г.-л. Смирновъ,
ком. Портъ-Артура.

Кап. Ир. Зацареный,
ком. «Побѣды».

Г.-м. Горбатовскій,
нач. обороны вост. фронта
Портъ-Артура.

Г.-л. Фокъ,
ком. 4 В. С. стр. дивизій.

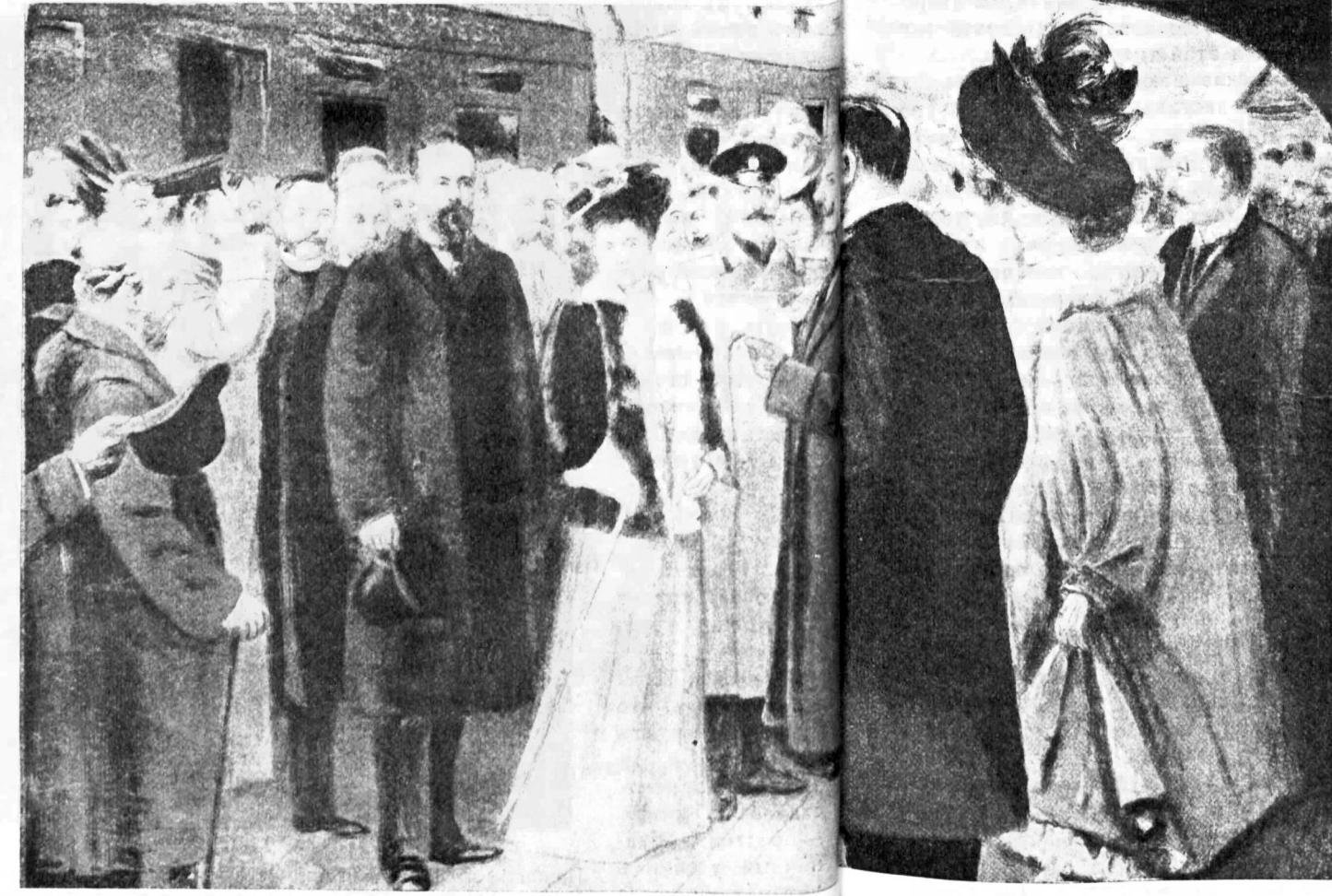
Японскій адмиралъ Того.

командующій 1-й японской арміей
ген. Ноги.

ген. Куроки.

Приѣздъ графа С. Ю. Витте въ Петербургъ послѣ
разгрома Портсмутъ.

Св. картины В. Вала.

Памятник Робеспьеру,

открытый на днях в Латинском квартале, беднейшей части Парижа.

За притавкомъ хозяинъ—круглый и выпуклый, словно крабъ; зато лакей тонкий и вытянутый, какъ палочка ванили.

Мнѣ дали рыбу, имѣвшую вкусъ старой барабанины и вино похожее на мікс-туру, но мнѣ хотѣлось не только ъѣсть, но и говорить.

Я досталъ записную книжку и писать. Выпиваю глотокъ вина и снова писалъ. Я не писатель, не художникъ, не шиферъ, не управляющій кинематографомъ,—ничего артистического. Я просто бродяга, который тѣшитъ свои глаза жизнью. Но въ этотъ вечеръ я чудесно болталъ и, возвращаясь д мой, называй мой вечеръ—пиromъ одиночества.

Съ этого момента и начались мои не притязательные пиры. Я точно вспомнилъ мою дѣтскую шестиугольную башню съ жетѣзнымъ фонаремъ.

Конечно, это очень странно, но вотъ какъ устраиваю я эти пиры.

Разъ въ мѣсяцъ я выбираю день, въ который отказываюсь отъ всѣхъ обязанностей обыкновенного чеовѣка. Ни театръ, ни клубъ, ни знакомые, ни самое серьезное дѣло—не вытащатъ меня.

Я зову горичную и сообщаю ей самыи зыбыи голосъ:

— Уѣхалъ въ Москву, Тамбовъ, Ялу, Гельсингфорсъ. Чго хотите! Прозвѣлися, исчезъ. Нѣть ме я.

Я одѣзаю мягкую куртку и направляюсь въ кабинетъ. Съ громадного стола летятъ прямо въ уголъ, на полъ, дѣло выя бумаги счеты, пѣтъма, и взамѣнъ ихъ появляются мои любимые томики—Тургеневъ, Достоевскій Мопассанъ, Ницше, Гейче, сказки Шахеразады и еще много другихъ.

Всѣ въ изящныхъ переплетахъ, и цвета ихъ соответствуютъ авторамъ. Напримѣръ, Достоевскій—черный; Тургеневъ—сиреневый съ темными пятнами, Мопассанъ—темно-коричневый съ красными цветочками.

И вотъ мы начинаемъ бесѣдовать.

Мнѣ приносить кофе. Я пью его медленными глотками. Тишина но никакое общество не замѣнить мнѣ этихъ молчаливыхъ разговоровъ.

По темной грязной лѣстницѣ я поднимаюсь будто въ квартиру Достоевскаго.

Темный столъ. Нѣсколько книгъ; на нихъ жестяная коробка съ гильзами и табакомъ. Горятъ двѣ свѣчи. Въ углу отрапанный диванъ, покрытый краснымъ репсомъ. Онъ и кровать замѣняютъ.

Видѣль я этотъ диванъ и во время танихида надѣ писателемъ. Да...

Федоръ Михайловичъ сутуляется надѣ столомъ. Одѣтъ въ старое пальто,—замѣняетъ халатъ.

— Пожалуйте къ намъ, Федоръ Михайловичъ.

Онъ дружески улыбается, извиняется, и входить въ свое халатикѣ въ мой кабинетъ.

Парижская комнатка Тургенева не лучше.

Иванъ Сергеевичъ нелѣко суетится: постель еще не прибрана, на столѣ остатки ужина. Огъ всего вѣтъ холостецкой заброшенностью. Не очень занимъ тутъ ухаживать.

Приглашаю и его. Одѣвается въ своей крохотной спальнѣ.

† Н. А. Рѣзцовъ,

бывшій петербургскій городской голова.

— Пустяки. Не надо. Вѣтъ, Федоръ Михайловичъ, у менѣ просто въ хатѣ.

— Нѣть, нѣтъ. Я сейчасъ.

Онъ выходитъ немнѣо смущеный. Сѣрый пиджакъ. Одна пуговица оторвалась и виситъ на ниточкѣ.

У Мопассана, напротивъ, нарядно, изящно. Портѣры, алжирскіе ковры, во-

Амилкаръ Чипріані.

Старый гарibalдіенъ, участникъ парижской коммуны и известный социалистъ, Чипріані пользуется правами французского граждансства «Honoris causa», но лишь въ судебное преслѣдованіе. Для того, чтобы дать возможность ветерану итальянской свободы вернуться на родину, городъ Миланъ избралъ его своимъ депутатомъ въ парламентъ.

(Отъ нашего парижск. корресп.)

общѣ, масса бездѣлушекъ. Онъ любилъ ихъ и собираль всю жизнь.

Шахеразаду я извѣскою изъ калифскаго гремѣтика. Она въ голубомъ шелкѣ, въ шелковомъ бруссскомъ покрывалѣ. На мое приглашеніе отвѣчаетъ поклономъ и сладко благодарить:

— Пешикур идерич...

Да, я пью кофе. Даузъ рядомъ и странно—такъ много между ними общаго.

Когда Мопассанъ говоритъ о своей любви къ жизни, о жадности къ ней, о любви къ каждой жизненной мелочи, угрюмый Ницшеоживается, поддакиваетъ и ео глаза блестятъ.

Иванъ Сергеевичъ разсказываетъ о своемъ усадѣ, о русской осени, о старости и странно—Мопассанъ находитъ новые слова для этой тихой печали.

Я рассказываю о томъ, въ какой обстановкѣ засталъ Федора Михайловича.

— Ни одной статуэтки! Удивляется Мопассанъ. Это не хорошо. Наши комнаты имѣютъ громадную власть надъ нами. Отѣнокъ обоевъ матери, удобство креселъ, красота контуровъ въ такой же мѣрѣ прѣняетъ, ласкаетъ взоръ, какъ и очаровательная улыбка. Симпатичныя или антипатичныя, благатыя или бѣдныя квартиры привлекаютъ, удерживаютъ или отталкиваютъ не менѣе, чѣмъ юди, которые въ нихъ обитаютъ. Онѣ будятъ или усыпляютъ сердце, согреваютъ или ледятъ умъ, побуждаютъ къ разговору или молчанию, сообщаютъ веселое или грустное настроение, словомъ, каждому постыдно внушать какое-то безсознательное желаніе или уйти, или остаться.

(Оконч. см. въ слѣдующемъ приложении)

Фениксъ.

